

Заключение

Демографические изменения в России напрямую влияют на доступ к высшему образованию. Пандемия COVID-19 и текущий экономический кризис, скорее всего, только усугубят социально-экономические различия между представителями молодежи. С самым существенным ухудшением доступа к высшему образованию столкнутся, по-видимому, представители наиболее уязвимых групп. Ради минимизации рисков и снижения финансовых расходов семьи многих абитуриентов наверняка переориентируются на местный рынок высшего образования и будут выбирать вузы в пределах родного региона. Однако подобная стратегия также может привести к ухудшению доступа к высшему образованию на фоне нынешней ситуации сокращения образовательных возможностей (обусловленной оптимизацией структуры высшего образования), особенно в отдаленных регионах.

Меняющиеся паттерны мобильности могут оказать серьезное воздействие на популярные образовательные центры: доля студентов из других регионов там может превысить 50%. В ряде городов вызванное пандемией COVID-19 снижение притока иностранных студентов может привести к существенному уменьшению студенческого контингента.

В последнее время правительство приняло ряд мер, направленных на сглаживание усиливающегося дисбаланса. Одна из таких мер — увеличение числа мест, финансируемых из федерального бюджета, на 28% в период с 2020 по 2024 год. Эта инициатива направлена, в частности, на повышение доступности высшего образования за пределами Москвы и Санкт-Петербурга. Другие меры предполагают распространение образовательных онлайн-форматов и создание национальной платформы для различных обучающих курсов и образовательных ресурсов. Развитие онлайн-образования могло бы способствовать улучшению доступа к высшему образованию и изменению паттернов мобильности, связанной с образовательной миграцией.



Неужели китайские «морские черепахи» превращаются в «морскую капусту»? Меняющийся рынок труда

Дэвид Цвайг и Цзайчао Ду

Дэвид Цвайг — заслуженный профессор Гонконгского университета науки и технологии, директор консалтинговой компании Transnational China Consulting Limited, вице-президент Центра по изучению Кумая и глобализации (Пекин). E-mail: sozweig@ust.hk. URL: <http://drdavidzweig.com>.

Цзайчао Ду — профессор экономики Фуданьского университета (Кумай). E-mail: zaichaodu@fudan.edu.cn.

Профессор Цвайг благодарит Юйтин Сун и Кочана Чжао из Юго-Западного университета финансов и экономики, а также Цзайчао Ду за приглашение участвовать в их проекте. Совместная статья по результатам проекта будет опубликована в журнале The China Quarterly.

Специалисты по изучению обратной миграции постоянно подчеркивают, как важно привлекать граждан, защитивших PhD в иностранных вузах, к передовым научным исследованиям, помогающим укреплению мощи родной страны. А как насчет миллионов студентов, отправляющихся за границу для кратковременного обучения в магистратуре?

Китайские магистранты, которые самостоятельно оплачивают обучение за рубежом, обычно считаются менее способными, чем те, кто уезжает учиться по государственной стипендии. Тех, кто возвращается на родину со степенью магистра или PhD, называют «хай гуй», или «морские черепахи, возвращающиеся в родной дом», но при этом тех, кто возвращается «из-за границы» («хай») и «ждет» («дай») возможности трудоустроиться, окрестили в 2005 году «хай дай», что звучит так же, как «морская капуста». Неужели блистательные «морские черепахи» стали превращаться в постыдную «морскую капусту»? На то, что такой процесс, похоже, действительно начался, указывает увеличение «коэффициента насыщения магистрами» (количество магистров, вернувшихся на родину, деленное на сумму этого же показателя и количества магистров, выпущенных китайскими вузами).

Из-за усиления обратной миграции обладателей степени магистра в период с 2005 года среди представителей академической среды, законодателей и журналистов идет дискуссия о том, не перенасытится ли Китай «морской капустой», которая пополнит ряды неудовлетворенных жизнью наемных работников или и вовсе не сможет найти работу на родине.

В 2011 году коэффициент насыщения магистрами составлял 27,2%, в 2012 году — уже 36%, а в 2017 году он достиг 45%, когда 480 900 магистров, вернувшихся из-за рубежа, вышли на рынок труда вместе с 578 045 магистрами — выпускниками китайских вузов. Даже если молодые китайцы перестанут массово уезжать на учебу в США из-за негостеприимной политической среды и из-за пандемии COVID-19, доля обладателей дипломов иностранных вузов среди ремигрантов наверняка останется довольно высокой.

Из-за усиления обратной миграции обладателей степени магистра в период с 2005 года среди представителей академической среды, законодателей и журналистов идет дискуссия о том, не перенасытится ли Китай «морской капустой», которая пополнит ряды неудовлетворенных жизнью наемных работников или и вовсе не сможет найти работу на родине. Дунлинь Хань из Китайского народного университета и Д. Цвайг писали в 2007 году, что беспокойство насчет «морской капусты» напрасно, потому что 70% ремигрантов находят работу в течение трех месяцев после возвращения, а 90% — в течение шести месяцев. Более того, мы обнаружили, что выпускники иностранных вузов зарабатывают существенно больше, чем выпускники китайских вузов.

В основу данной статьи легли результаты нескольких исследований. Это три опроса ремигрантов из Японии, Канады и Гонконга, проведенных в 2006 году Министерством образования Китая,

Национальное исследование 2006 года, в котором Д. Цвайг сравнивал положение магистров — выпускников местных вузов и магистров-ремигрантов, а также еще один массив данных, который удалось получить в 2016 году по результатам опроса на специальном сайте знакомств для одиноких ремигрантов, ищущих себе пару среди таких же ремигрантов. В 2016 году китайская хедхантинговая фирма «Чжаопинь» получила через свой сайт 1589 откликов на опросник, составленный совместно с Центром по изучению Китая и глобализации. Наконец, использовалось китайское национальное обследование финансов населения 2015 года, проведенное Ц. Ду и другими в Юго-Западном университете финансов и экономики; в этом исследовании сравнивалось по 482 выпускника местных и иностранных вузов, объединенных в пары по принципу схожести.

Почему выпускники возвращаются на родину? Они едут «от», «к» или по семейным обстоятельствам?

Чтобы понять, почему выпускники иностранных вузов возвращаются на родину, Цвайг использовал перевернутую концепцию push/pull, используемую для объяснения утечки мозгов. Только Цвайг оценивал, влияет ли на возвращение китайцев на родину «провал» на Западе, «выталкивание» с Запада, или же их «притягивают» возможности, открывающиеся на родине. Цвайг также предположил, что может быть и третий повод вернуться — «по семейным обстоятельствам», и проверил все эти три возможных объяснения, оценивая семь факторов: 1) продолжительность поисков работы; 2) уровень удовлетворенности работой; 3) удовлетворенность жизнью после возвращения на родину; 4) сравнение затрат и выгоды при обучении за границей; 5) сколько предположительно времени нужно, чтобы эти затраты окупались; 6) реальный доход; 7) предполагаемый доход.

Опрос «Чжаопинь» 2016 года позволил выявить интересный парадокс. Из положительного стоит отметить, что если учитывать только переменные с уровнем значимости 0,05, то те, кого «притянуло» обратно в родную страну, быстрее находили работу, более довольны работой и жизнью в целом, оценивают пользу от учебы за границей выше издержек и больше зарабатывают. Те же, кого Запад «вытолкнул» на родину и кто счел нужным вернуться, испытывали трудности лишь с компенсацией затрат. А вот те, кто вернулся по семейным обстоятельствам, испытывали больше трудностей с поиском работы и окупаемостью затрат на обучение; кроме того, у них были низкие показатели удовлетворенности работой и жизнью в целом. Таким образом, напутствие молодежи, выросшей в такой ориентированной на семью культуре, как китайская, следующее: не стоит возвращаться домой только ради того, чтобы убажечь ваших родителей, иначе вы будете несчастны.

Результаты опроса «Чжаопинь» 2016 года показывают, что есть две группы ремигрантов: те, кто получил выгоду от обучения за рубежом (“get it”), и те, кто не получил (“don’t”). Представители первой группы успешны, потому что они хорошо представляют себе китайский рынок труда, планируют свой карьерный путь, учатся востребованным на рынке навыкам. А среди представителей второй группы встречаются те, кто уехал за границу главным образом потому, что не смог поступить в хороший китайский университет, и проблема усугубляется тем, что эти люди плохо разбираются в особенностях китайского рынка труда и плохо планируют свой карьерный путь, неудачно выбирая направление образования. Именно таких заурядных студентов Запад потом «выталкивает» обратно в Китай, где им уготована незавидная карьера, которой они все равно не будут удовлетворены, несмотря на длительность поисков работы, и вот эти люди запросто превращаются в «морскую капусту».

Повышает ли иностранный диплом доходы ремигрантов?

По данным на 2006 год, ремигранты получали существенно больше, чем выпускники китайских вузов. Сравнение доходов выпускников магистратуры японских, гонконгских и канадских вузов с доходами 6000 горожан из разных регионов Китая показало, что первые зарабатывали на 83% больше, чем остальные их соотечественники с таким же уровнем образования.

Однако социальный класс, к которому принадлежат родители студента, может «пересилить» экономическую выгоду от обучения за границей. Почему так? Регрессивная модель на основе данных исследования «Хайгуй Чжисинь» 2016 года показала, что наличие иностранного диплома действительно существенно влияет на доходы ремигрантов. Однако, добавив в модель такие факторы, как доходы родителей и наличие хотя бы одного родителя-госслужащего, мы заметили, что иностранный диплом перестает быть статистически значимым фактором и, наоборот, значимыми факторами оказываются семейный доход и работа родителей в госструктурах. Таким образом, хотя учеба за границей действительно идет на пользу многим молодым юношам и девушкам, детям элиты она не очень помогает.

Ду и его коллеги из Юго-Западного университета финансов и экономики, проанализировавшие в 2014 году результаты опроса респондентов, объединенных в пары по принципу схожести, пришли к однозначным выводам. Результаты с уровнем значимости 0,05% показывают, что ремигранты, имеющие степень магистра или PhD, зарабатывают на 19,3% больше, чем их соотечественники с тем же уровнем образования, которые учились в китайских вузах, а среди обладателей степени бакалавра различия в уровне доходов вообще отсутствуют. Исследователи также тестировали эффект «человеческого капитала», то есть что ремигранты

зарабатывают больше благодаря своим способностям, в противовес «сигнальному эффекту», то есть когда работодатели платят больше за сам факт наличия иностранного диплома. Удалось выяснить, что чем дольше ремигрант работает в определенной фирме, тем выше разрыв в оплате труда в сравнении с остальными сотрудниками. Иными словами, зарубежное образование приносит дивиденды в форме более высокой зарплаты впоследствии, но только когда работодатель убедится в более высокой работоспособности сотрудника.

Иностранцев, взаимодействующих с Китаем, должна гнать мысль о том, что, скорее всего, почти все молодые специалисты, с которыми они общаются, — из китайской, из иностранной компании, из НКО, из вуза или из государственной организации — учились за рубежом. Это действительно талантливая молодежь, хоть ее и обзывают «морской капустой», и именно эти люди помогут Китаю удержать лидирующее положение в качестве главной страны «развивающегося мира», подняться и глубоко интегрироваться в глобальное мироустройство.

Китай: выпускники вузов в суровых реалиях рынка труда

Ин Лу и Юань Гао

*Ин Лу — научный сотрудник и заместитель директора управления по международной работе Бэйханского университета (Пекин, Китай).
E-mail: ly@buaa.edu.cn.*

*Юань Гао — руководитель программы «Международные партнерства» управления по международной работе Бэйханского университета, аспирант Школы гуманитарных и социальных наук того же университета.
E-mail: gaoyuan@buaa.edu.cn.*

Пандемия COVID-19 нанесла ощутимый удар по мировой экономике и по рынку труда, только усугубив проблемы, с которыми сталкиваются люди в поисках работы. В последние годы выпускникам вузов в Китае становилось все сложнее находить работу из-за массовизации высшего образования и общего замедления темпов экономического развития. В 2020 году китайские университеты и колледжи выпустили рекордные 8,74 миллиона человек. Это на 400 тысяч больше, чем в 2019 году, поэтому конкуренция среди выпускников только усилилась.